

Литературный гедонизм

Школьная литература подменяет библиотекаря: она предлагает книги вместо того, чтобы научить их читать.

День первого сентября я ненавидел — и учеником, и учителем. Школа предала меня, и я предал школу. Наш роман не удался, хотя до сих пор не могу себе представить ничего прекраснее учения.

Школа, где я учился, была не хуже других. Про ту, где учил, такого не скажешь. Дети ссыльных из рабочего поселка составляли смешанный класс, но я не интересовал ни русских, ни латышей. Лев Толстой их занимал еще меньше. Правда, за последней партой сидела умная, толстая и некрасивая девица. На переменах она читала Карамзина, и ей я был тоже не нужен.

Жизнь моя казалась чудовищной. По ночам я готовился к изощренным урокам, которые по утрам срывали мои ученики. После обеда (и вместо него) я отчитывался директору за поставленные двойки. В учительскую я боялся заходить из-за учителей в галифе, в уборную — из-за куривших школьников. Меня спас урожай. Всех отправили на картошку, и вместо одуряющих уроков я старательно копался в сырых грядках, не поспевая за учениками. Пока я набирал мешок колхозу, они ссыпали два себе. Глядя на их спорую работу, я остро почувствовал собственную бесполезность. Посреди бесцветного картофельного поля, жидким балтийским деньком, меня одолела еретическая мысль о бессмысленности школы. Ни той, ни этой, ни всякой другой — в любой стране, но на этой планете.

Наверное, я был плохим учеником, но я всегда любил учиться — лишь бы не в школе. Наверное, мне попались плохие, как и я, учителя, но ведь не все. Наверное, бывают замечательные школы, но ведь и там учат черт-те чему. Господи, какой чуши я наслушался в своей десятилетке. Ну кто в здравом уме хочет знать, чему равен синус альфы? какова валентность водорода? как нам реорганизовать «рабкрин»?

Состав образования всегда отстает от прогресса и никогда не бывает актуальным. В 18-м веке школа учила про газ флогистон, в 20-м — квадратному уравнению. Ни того ни другого мне так и не пришлось встретить на двух континентах, где я жил, и в 50 странах, где я бывал. В утешение говорят, что любая учеба — от астрологии до истории КПСС — развивает мышцы мозга, хотя я и не уверен, что они у него есть.

Единственными осмысленными уроками были те, которые я всегда прогуливал, — пение, труд и физкультура. Первое могло научить меня наслаждению музыкой, которого я был напрочь лишен до сорока лет. Второй нужен каждому, чтобы испытать физиологическое удовольствие от массажа рук о работу. Физическая культура служит прообразом любой другой. По-настоящему мы знаем то, что умеем. Только целостное — а не головное — знание преобразует человека радикально и навсегда: нельзя разучиться плавать. Но как раз всему первостепенному, дающему навык и приносящему радость, мы учились вне школы, а часто и вопреки ей.

В моем детстве лучшим примером служил футбол. Никто никогда не объяснял нам правил, но каждый мальчик страны владел ими, не хуже судьи, в котором мы не нуждались. С другой стороны, за треть века в Америке я так и не научился бейсболу, забывая устройство игры раньше, чем мне заканчивали ее объяснять. И все потому, что футбол входил в меня сам — ненасильственное, органическое знание, содержащее награду в самом себе. Сегодня таким «футболом» служат компьютеры, обращению с которыми дети учатся шутя, а мы плача. В англоязычной Википедии — три миллиона статей, и большую часть написали школьники. Школа тут ни при чем. Она всегда отстает и давит, как будто у нее нет другого выхода.

Может, и нет. Я не настаиваю на своей педагогической гносеологии. Возможно, в той параллельной вселенной, где бог — завуч, кому-то нужны логарифмические таблицы Брадиса. И кто я такой, чтобы отнимать их у школьника? Меня, в конце концов, волнует только один предмет — мой, и он называется литературой.

Литература считалась главной — наряду с математикой. И ту, и другую мы учили каждый день, методически не отличая одно от другого. Каждое художественное произведение тоже считалось задачей, решение которой содержалось в разделе «ответы» и называлось «идеей». Школьная, идущая от Платона и Гегеля, ученость искала растворенный в тексте тезис, очищенный от сюжетных частности. Это и была «идея», ради которой

автор писал книгу, а мы ее читали. Уроки литературы заключались в дистилляции таких «идей». Поскольку набор их был небольшим и стандартным, школа шла от обратного, находя в книгах заранее известное. Такая тактика делала писателей неотличимыми друг от друга и позволяла каждый день разбирать схоластические темы. Одну такую я решал на вступительном сочинении: «Народ у Некрасова и Маяковского». Найти то, что объединяет три части этого уравнения, — увлекательная задача, с которой сегодня мне уже не справиться.

Сведенная к идеям литература пуста и бесплодна, как горная цепь. Чтобы оживить ее, популярные учителя меняли средневековую схоластику на античную риторику, подменяя литературу «человековедением». Смысл этой дисциплины раскрывала практика. Классика поставляла учебные модели поведения, которые нам было положено оценить и освоить. Следуя за программой, мы с ранней молодости должны были мучиться непростыми вопросами. Восьмиклассницы решали, следовало ли Татьяне уступить домогательствам Онегина. Восьмиклассники — почему Печорин не хочет служить отечеству? Я не знаю ответов на эти вопросы, но это не смущало школу и развлекало школьников.

Лучшие учителя, избегая ригоризма идейных вершин и сплетен житейского болота, шли средним путем. Они заменяли литературу историей литературы. На этом поприще школа достигла самого большого и наиболее долговечного успеха: она создала канон. От «Летописи временных лет» сквозь «Князя Игоря», Фонвизина и Карамзина он тянется к Пушкину, обнимает золотой XIX век и завершается бесспорным Чеховым. Канон — базис национальной культуры: он — то, что делает русским. В древнем разноплеменном Китае китайцами считали всех, кто знал иероглифы. Наши иероглифы — это классики, Толстой и Пушкин.

Мы не всегда отдаем себе в этом отчет, потому что воспринимаем канон как непременную, естественную, почти физическую данность. Я не могу себе представить родившегося в СССР человека, который не знал бы Пушкина. На нем стояла страна даже тогда, когда исчезло прежнее название и изменились старые границы.

Так, однако, бывает далеко не всегда и не всюду. В Америке, скажем, нет и не было своего Пушкина. Как и нет списка обязательных, да и любых других классиков. Конечно, и американская школа учит «Ворона», занимается «Геком Финном», упоминает «Моби Дика», читает «Над пропастью во ржи» и проходит «Убить пересмешника». Но американские писатели не составляют частотола, ограждающего национальную идентичность. Канон в Америке — привозной, и уже поэтому эклектичный и произвольный. Одни включают в него Платона, другие — «Робинзона Крузо», большинство — Шекспира, но никто уже не считает канон непобедимым и вечным. Отчасти то место, которое у нас занимает родная литература, в Америке отведено Библии. К этому, впрочем, не имеет отношения американская школа, разумно охраняющая свою непреклонную светскость.

Жизнь без канона — новый опыт. Многие считают его трагичным, ибо роль отобранных веками классиков играет мимолетная поп-культура. Когда я приехал в Америку, мне трудно было разговаривать с окружающими, потому что у нас не было общего языка — контекста. Если русское поле цитат составляли книги, то американское — фильмы, песни, сериалы, звезды. Сегодня, однако, это — универсальный набор, и русскому школьнику легче найти общий язык с американским сверстником, чем со своими родителями.

Распад авторитарного по своей природе канона — мировое явление, связанное с общей демократизацией культуры. До отечественной школы он добрался вместе с падением прежней власти. Первой развалилась литература XX века. Все, что попало в канон после Горького и под давлением, вылетело из него первым. За опустевшее от «Поднятой целины» место школа сражалась с азартом недавно обретенной свободы. В программу включали то Платонова, то Ахматову, то «Трех мушкетеров». В таком списке нет ничего плохого, но это — не канон, а хорошая компания. Произвол пресекает традицию. А без нее школьная литература подменяет библиотекаря: она предлагает книги вместо того, чтобы научить их читать.

Сомнительность уроков литературы станет заметной, если сравнить их с другими. Представьте, что нас заставляют учить не таблицу умножения, а историю таблицы умножения. Вместо принципов деления и сложения — примеры деления и сложения. Вместо методов анализа — набор результатов. Вместо игры на пианино — эволюцию инструмента. Получается, что такого предмета, как «литература», нет и быть не может. Ведь школа должна научить не тому, что читать, а тому — как. Особенно — сегодня, когда XXI век предложил книге столь соблазнительный набор альтернатив, что чтение может выродиться в аристократическое хобби вроде верховой езды или бальных танцев. Чтобы сохранить чтение, надо вернуться к «арифметике чтения». Только навык умелого чтения позволяет решить всякую задачу и влюбиться в подходящую, а не навязанную программой книгу. Чтению учат, как всему остальному: осваивая азбуку, исследуя связи, понимая цели и оценивая средства, но главное — ставя себя на место автора. Чтобы стать хорошим читателем, надо быть писателем или — хотя бы — побыть с ним.

Медленно и упрямо ты идешь вплотную за автором, чтобы, переняв его опыт и обострив свою интуицию, настигнуть его. В тот счастливый момент, когда ты, научившись сливаться с текстом, догадываешься, что будет в следующем абзаце, сдан первый экзамен.

Теперь, освоив трудные азы медленного чтения, можно развернуть книги веером, чтобы понять устройство каждой. Мудрость в том, чтобы находить отличия. Нельзя судить о вине по градусам, и разные книги нужно уметь читать по-разному. Поэтому уроки чтения отвечают на множество необходимых вопросов. Как читать про любовь и как — про Бога? Как справиться с трудными книгами и как — с простыми? Как узнать на странице автора и почему этого не следует делать? Как нащупать нерв книги и как отличить его от сюжета? Как войти в книгу и как с ней покончить? Как овладеть языком и как обходиться без него? Как пристраститься к автору и как отказать ему от дома? Как влюбиться в писателя и как изменить ему? Как жить с библиотекой и как, наконец, вырваться из нее?

В сущности, все великие учителя литературы, такие как Борхес и Набоков, предлагали нам уроки чтения. Например, Бродский, проведя значительную и далеко не худшую часть жизни за университетской кафедрой, никого не учил писать стихи, лишь читать их, но так, чтобы каждый чувствовал себя поэтом. По Бродскому, каждая строка требует от нас того же выбора, что и от автора. Оценив и отбросив другие возможности, мы понимаем бесповоротную необходимость именно того решения, которое принял поэт. Пройдя с ним часть пути, мы побывали там, где был он. Такое чтение меняет ум, зрение, речь и лицо. Скрестив образование с воспитанием, оно становится просвещением, но это далеко не самое важное.

Читательское мастерство шлифуется всю жизнь, никогда не достигая предела, ибо у него нет цели, кроме чистого наслаждения. Чтение есть частное, портативное, общедоступное, каждодневное счастье — для всех и даром.

Будь я школой, первым предметом в ней бы был читательский гедонизм.

Автор: Александр Генис
Нью-Йорк

© Новая газета ОБЩЕСТВО, МИР 4926 08.09.2009, 11:04 374

URL: <https://babr24.com/?ADE=80782> Bytes: 11254 / 11254 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Александр
Генис
Нью-Йорк.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)